

Секция «24.3 Мемориальные войны: наследие прошлого, противоречия настоящего, проекции будущего»

Воинственная мемо(демо)кратия: секьюритизация памяти в Восточной и Западной Европе

Научный руководитель – Летняков Денис Эдуардович

Володихин Дмитрий Юрьевич

Аспирант

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: jzi.volodihin@yandex.ru

Историческая память — не пассивное хранилище прошлого, а динамичный механизм его конструирования. Конструирование и трансляция исторической памяти находятся в руках различных политических сил, именуемых мнемоническими акторами [3]. Пользуясь нарративами, в которых заключены целостные и последовательные рассказы о своем прошлом, мнемонические акторы определяют свое место в истории и модели поведения, присущие их сообществу.

Однако множественность интерпретаций превращает память в арену политического противостояния [9]. Встает вопрос, какой нарратив будет институционально закреплён — в учебниках, памятниках, праздниках или политических ритуалах. Борьба за закрепление нарративов, служащих опорой коллективной идентичности, и составляет содержание политики памяти.

Обозначенная логика во многом проясняет понимание политики памяти у политолога Марии Мьяльксоо как «оспариваемой и аффективно нагруженной контактной зоны, в которой пересекаются политика, идентичность, история, эмоции, власть, право и человеческий поиск смысла» (Mälksoo, 2023, p. 2). В то же время Мьяльксоо дала расширенное понимание политики памяти, выделив две ее формы: рефлексивную и ориентированную на мнемоническую безопасность [8].

В первом случае речь идет об открытости и сосуществовании различных интерпретаций в рамках единого мемориального пространства. Хотя они могут противоречить друг другу в оценке одних и тех же событий, подобная множественность препятствует гегемонизации и закреплению «единственно верной» версии прошлого. Напротив, формируется многослойная картина представлений о прошлом, отражающая разнообразие исторического опыта [8].

Во втором случае акцент смещается на поддержание онтологической безопасности через историческую память. Множественность нарративов рассматривается не как проявление плюрализма, а как источник угрозы, способный подорвать целостность нарратива и стабильность идентичности сообщества. В этой логике особую роль приобретает государство. Обладая наибольшими ресурсами и стремясь защитить национальную идентичность как основание собственной дееспособности, оно формирует режим памяти с доминирующим нарративом, маргинализируя и делегитимизируя альтернативные интерпретации. Тем самым память переводится в регистр безопасности — происходит ее секьюритизация [6].

Таким образом, в центре анализа оказывается второй тип политики памяти — ориентированный на мнемоническую безопасность. Особое внимание уделяется тому, как в странах Западной и Восточной Европы выстраиваются различные подходы к секьюритизации памяти и какие цели они преследуют.

С одной стороны, в странах Западной Европы действует концепция «воинственной демократии», ограничивающей тех, кто стремится разрушить демократический порядок [5].

В политике памяти это проявляется через режим «морального памятования», задающий стандартизированный набор практик работы с преступлениями прошлого для укрепления демократии и прав человека. Секьюритизация становится частью стратегии защиты памяти жертв и гарантий неповторения [4]. При этом сохраняется пространство для рефлексивной политики памяти, но с четкими границами допустимого: допускаются нарративы и их репрезентации, которые не подрывают демократические ценности и принципы прав человека.

С другой стороны, «воинственная мемократия» характерна для стран Восточной Европы, где государства применяют сеть предписывающих и запрещающих норм для защиты «общенационального» нарратива, часто прославляющего и виктимизирующего прошлое. Государства стремятся сохранить единство, закрепляя определенный нарратив прошлого как «неприкосновенную скрепу» против любых попыток его оспорить. В свою очередь, рефлексивная политика памяти сворачивается во имя национальной безопасности [7].

Инструментарий секьюритизации в обоих случаях во многом совпадает: криминализация альтернативных нарративов через мемориальное законодательство, создание институтов памяти, финансирование идеологически выверенных проектов, а также контроль над культурной повесткой и образовательными программами. Тем не менее «воинственная мемократия» отличается более жесткими и систематизированными мерами [7].

В то же время секьюритизация не гарантирует онтологической безопасности общества — ни через воспроизводство универсальных норм демократии и прав человека, ни через опору на единственную версию национальной идентичности. Вместо этого существует риск злоупотреблений и манипуляций памятью, ограничивающих плюрализм нарративов. Кроме того, возникает дилемма мнемонической безопасности, когда защитные меры одного актора провоцируют ответные шаги другого, запуская механизм взаимной секьюритизации и нарастающего антагонизма [1].

В этой связи понятен тренд на десекьюритизацию памяти — возвращение ее в поле политических дебатов и открытого диалога без взаимной делегитимации акторов [6]. Однако логика «закрытых границ», нарастающей мнемонической тревоги и, как следствие, «войн памяти» по-прежнему остается не только предметом исследовательского внимания, но и реальным отражением современной политики памяти [2].

Источники и литература

- 1) Ефременко Д. Память как *casus belli*. Дилемма мнемонической безопасности // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, No. 6. С. 119-141.
- 2) Миллер А.И. Устой «глобальной» мемориальной культуры под вопросом // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, No. 3. С. 68-81.
- 3) Bernhard M., Kubik J. Introduction // *Twenty years after Communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- 4) David L. *The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2020.
- 5) Loewenstein K. *Militant Democracy and Fundamental Rights* // *The American Political Science Review*. 1937. No. 31(3). P. 417-432.
- 6) Mälksoo M. 'Memory must be defended': Beyond the politics of mnemonical security // *Security Dialogue*. 2015. No. 46(3). P. 221–237.
- 7) Mälksoo M. *Militant memocracy in International Relations: Mnemonical status anxiety and memory laws in Eastern Europe* // *Review of International Studies*. 2021. No. 47(4). P. 489–507.

- 8) Mälksoo M. Politics of memory: a conceptual introduction // Handbook on the politics of memory. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2023. P. 1–16.
- 9) Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. №2.: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html>